

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 2

ЛЕТО
2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 37

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре»
(по мемуарам Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши). Предисловие, перевод с малайского,
примечания *Л.В. Горяевой* **5**

ИССЛЕДОВАНИЯ

- И.Н. Медведская.* Дошли ли урарты до Каспийского моря? **19**
- Е.Н. Левченко-Шмаевская.* «Песни о камне со стопами Будды»: первые древнеяпонские тексты и формирование языкового сознания **40**
- О.В. Тихонова, Л.А. Шакунова.* Первый перевод Корана на испанский и рукопись Т 235 **63**
- Хань Ли.* Изучение русского языка в цинском Китае **75**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- М.М. Юнусов.* Из истории дешифровки западно-семитского письма: события и люди. V. Дешифровка пальмирского алфавита: Дж. Свинтон и Ж.-Ж. Бартелеми. Часть II **85**
- М.А. Мусаев, Ш.Ш. Шихалиев, М.Г. Шехмагомедов.* Эпитафии кладбища уцмиев в Кала-Корейше **106**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- С.Е. Костиков, О.М. Ястребова.* Челобитные иранского купчины Хваджи Рахмата царю Михаилу Федоровичу (1613–1645) из Российского государственного архива древних актов **122**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Е.В. Танонова.* Юбилейные мероприятия, посвященные 200-летию Азиатского Музея — Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2018 г.) **146**
- Д.А. Носов.* Выставка «Кисть и калам: 200 лет коллекции Института восточных рукописей» в Государственном Эрмитаже (Санкт-Петербург, 27 ноября 2018 — 31 марта 2019) **151**
- А.Э. Терехов.* Выставка «Даосы на пути к бессмертию» в Государственном музее истории религии (Санкт-Петербург, 29 ноября 2018 г. — 5 марта 2019 г.) **154**

РЕЦЕНЗИИ

- И.А. Алимов.* Сад удивительного. Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014. — 592 с.;
- И.А. Алимов.* Записки о сокровенных чудесах. Краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. — 840 с. (*Зельницкий А.Д.*) **157**
- Рукописи школы веданта в собраниях Института восточных рукописей РАН: аннотированный каталог / Составление, вступительные статьи, переводы и указ. С.Л. Бурмистрова; Ин-т восточных рукописей РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2018. — 479 с. (*Колесников А.С.*) **160**

На четвертой сторонке обложки:

Фрагмент рукописи «Новые законы Тангутского государства» из коллекции ИВР РАН (Шифр Танг 65/1)

**«Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре»
(по мемуарам Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши)**

Предисловие, перевод с малайского, примечания

Л.В. Горяевой

Институт востоковедения РАН

DOI: 10.7868/S1811806219020018

Статья содержит исследовательское предисловие и перевод с малайского главы 21 («Союз Тянь ди хуэй в Сингапуре») из книги «История Абдуллаха», принадлежащей перу известного малайского автора — Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854). В этой главе рассказывается о китайском тайном обществе, действовавшем в Сингапуре в первой четверти XIX в., о том, как автору удалось скрытно проникнуть в святая святых общества и наблюдать его ритуалы. В предисловии дается краткое изложение истории Тянь ди хуэй и высказывается предположение о мотивах, побудивших Абдуллаха совершить свое опасное путешествие.

Ключевые слова: Сингапур, Кроуфурд, Тянь ди хуэй, тайные союзы, посвятельный ритуал, китайская диаспора, преступность.

Статья поступила в редакцию 16.02.2019.

Горяева Любовь Витальевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, РФ; 107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12 (goriaeva@mail.ru).

© Горяева Л.В., 2019

Важнейшим моментом в истории Сингапура как государства стал договор от 6 февраля 1819 г., заключенный между британской Ост-Индской компанией и султаном Риау-Джохора Хусейном и дававший право британцам управлять островом и основать на нем торговый порт. Начавшиеся работы по строительству порта и сельскохозяйственному освоению территории острова сопровождались мощным притоком туда разноплеменного населения соседних регионов — в том числе и китайского. Одним из способов самоорганизации китайской диаспоры стала такая разновидность этнических землячеств, как тайные союзы-братства.

Поначалу задачей этих объединений диаспоры была помощь соплеменникам, проживающим вне пределов своей исторической родины, однако с течением времени их деятельность приняла по преимуществу криминальный характер. В первые десятилетия XIX в. тайные союзы уже действовали в Таиланде, Малакке и на Пенанге, где китайцы составляли значительную часть некоренного населения. Там, как и в регионе островной Юго-Восточной Азии в целом, главным из них был Союз Тянь ди хуэй (Newbold-Wilson 1841: 120).

Принято считать, что у его истоков лежала так называемая Триада, именуемая также Лигой Хун, или Союзом Неба и Земли, и основанная, согласно китайским источникам, в XVII в. Прозвищем «Триада» это сообщество было обязано своему ритуальному символу — треугольнику, воплощающему тройственную связь Неба, Земли и Человека. Триада, общий предок всех китайских тайных обществ в малайском регионе, на первых порах представляла собой своего рода орден, или религиозное объединение, чьим девизом было: «Повинуйся Небу и поступай по справедливости». В 1644 г., когда власть в великой Минской империи была захвачена маньчжурской династией Цин, Союз поставил своей главной задачей сопротивление завоевателям и начал действовать под лозунгом «Свергнем Цин, восстановим власть Мин!». Объявленный властями вне закона, Союз перешел на нелегальное положение и был преобразован в тайную Лигу Хун, или Союз Неба и Земли (Лависс, Рамбо 1938: 380; Comber 1956: 147).

Тайные ритуалы Союза символически отражали три этапа развития человека: завершение его краткого пребывания на земле, посвящение и очищение перед переходом в мир иной и, наконец, возрождение в земном мире. В основе этих ритуалов лежала буддийская, даосская и астрологическая символика (Comber 1956: 146). Деятельность Союза опиралась на принципы взаимопомощи, закрытости и уважительного отношения к женам своих братьев. На деле это выражалось в недоносительстве, в помощи друзьям, скрывающимся от полиции или совершающим побег из тюрьмы, и, главное, — в следовании лишь тем правилам, что предписывались Союзом. Обладая правом казнить любого из братьев, а также того, кто пытается ему противостоять, это сообщество, по сути дела, было настоящим «государством в государстве» (Newbold-Wilson 1841: 130). При этом триады малайского мира — и, в частности, Сингапура — исходно не ставили перед собой политических задач: в первую очередь новых членов привлекала жажда обогащения любой ценой (Pickering 1878: 64). Власть в триадах мало-помалу стала переходить в руки тех, кто наживался на своих же соплеменниках, промышлял шантажом и умел защитить себя и себе подобных от преследования законом (Ward, Sterling 1925: 11). В первые годы британского владычества в Сингапуре колониальные власти могли лишь с неодобрением следить за преступными действиями местной Триады, но не имели возможности изменить сложившуюся ситуацию.

Первым, кто наблюдал воочию, исподтишка, тайный ритуал посвящения в члены Союза, стал малайский писатель арабо-тамилского происхождения — Абдуллах бин Абдулкадир Мунши (1796/7–1854)¹. Это произошло в 1824 или 1825 г., когда Абдуллах проживал в Сингапуре и служил в качестве письмоводителя и переводчика при контактах британцев с местным населением, прежде всего — с его верхушкой. Хотя деятельность Абдуллаха как писателя началась значительно позже, в 1838 г., его любознательность, желание быть в курсе самых актуальных событий и природный авантюризм побудили этого грамотея и книжника ввязаться в опаснейшее предприятие, где молодой человек не раз и не два рисковал своей жизнью.

Вполне возможно, что интерес Абдуллаха к сингапурской Триаде зародился несколькими годами ранее, в период его сотрудничества с преподобным Уильямом Милном². Для него Абдуллах был не только переводчиком, но и источником сведе-

¹ О нем см. (Горяева 2016; 2018).

² Уильям Милн (William Milne, 1785–1822) — британский миссионер, основатель первых типографий в Малакке и на Пенанге в 1815–1816 гг., издатель журналов “Indo-Chinese Gleaner” и “Chinese Monthly Magazine”.

ний этнографического характера; его очерк малайской демонологии, написанный по заказу Милна, был опубликован в миссионерском журнале за подписью «Неизвестный» (*Si Anu*) (*Indo-Chinese Gleaner* 1819: 73–74). Поначалу Милн собирался проповедовать в Китае, изучал китайский язык, но в силу обстоятельств подавляющая часть его служебной карьеры оказалась связанной с регионом островной Юго-Восточной Азии — Пенангом, Малаккой, Явой. Тем не менее в центре внимания Милна неизменно оставались китайцы «рассеяния» и, в частности, их тайные союзы. Однако преподобный скончался не менее чем за два года до того, как Абдуллах предпринял свою опасную прогулку, и считать Милна ее прямым инициатором нет никаких оснований.

Не имея возможности проводить «полевые исследования» тайных союзов, Милн досконально изучил все доступные для него свидетельства и документы. Его перу, в частности, принадлежал текст, переданный в Королевское Азиатское Общество коллегой Милна, преподобным Робертом Моррисоном, в 1835 г. — через 13 лет после смерти автора. В нем Милн дает подробное изложение всего спектра сведений, касающихся тайных союзов, действовавших как в самом материковом Китае, так и в диаспоре: их целей, структуры, посвячительных обрядов, тайных знаков и символики (*Triad Societies* 2000: 21–31). Он также был первым, кто высказал мнение, ставшее впоследствии едва ли не общим местом и касающееся сходства между ритуалами масонов и Союза *Тянь ди хуэй* (*Ibid.*: 30). Именно Милна можно по праву считать первопроходцем в ряду ученых, занимавшихся изучением Триад, а в известной мере и прочих тайных обществ Китая. По иронии судьбы упомянутый обзор, подготовленный Милном не ранее 1815 и не позднее 1822 г., известен куда менее, чем книга на ту же тему, принадлежащая перу голландского сиолога Густава Шлегеля и опубликованная в Батавии в 1866 г. Впрочем, в своем труде Шлегель не преминул сослаться на статью Милна и, в частности, на его замечание о сходстве символики и ритуалов Союза с масонскими (*Schlegel* 1866: V).

Тему истории *Тянь ди хуэй*, его символики и ритуалов исследователи и доныне не считают исчерпанной (*DeBernardi* 2004). Изучая китайские источники по истории возникновения триад — сначала в материковом Китае, а затем и за его пределами, — они анализируют это явление с сугубо академических позиций, помещая его в общий контекст развития китайской цивилизации и государственности. В этих условиях рассказ Абдуллаха, при всей лапидарности его текста, предлагает свой особенный ракурс описания Триады, увиденной глазами постороннего и пытливого наблюдателя.

[Глава 21 (22)]

Союз *Тянь ди хуэй* в Сингапуре

Вскоре после того, как господин Кроуфурд стал правителем Сингапура³, разнеслась весть, будто китайцы из Союза *Тянь ди хуэй*⁴, проживавшие в глубинных областях острова, намереваются совершить налет на Сингапур, численность же их вели-

³ Т.е. в 1823 или 1824 г.

⁴ В разных изданиях «Истории Абдуллаха» на латинице китайское наименование Союза передается по-разному: *Tian Tui* (*Sweeney* 2008: 433), *T'ien Ti Hui* (*Kassim Ahmad* 2008: 221), *Thian Tai Huey* (*Hill* 1970: 204). Принятое в российской китаистике написание: *Тянь ди хуэй* 天地會.

ка — многие тысячи. Некоторые занимались выращиванием черного перца, гамбира⁵ и прочего, но большинство промышляло кражами, грабежами и убийствами. Опиум употребляли едва ли не все, не говоря об их пристрастии к азартным играм. Их обиталище находилось в самой глубине лесной чащи, что тянулась вплоть до дальнего побережья острова. Во главе сообщества стоял вождь⁶, в его подчинении находились четверо помощников⁷, затем начальник⁸ со своими подручными⁹, занятыми слежкой за людьми и вовлечением их в сообщество посредством пыток, принуждающими к присяге на верность путем питья крови. Несогласных пытали, избивали, запирали в темницу, а если и тогда человек упорствовал — убивали. С Божьей помощью я расскажу о церемонии приема в сообщество, ибо я смог проникнуть в их обиталище и все видел воочию, с помощью моего приятеля, малаккского китайца, бывшего одним из его членов. Мне же хотелось узнать все тайны этого обряда, потому что разговоров о нем ходило много — и правды, и вымысла.

Тем временем стали распространяться упорные слухи, будто люди из *Тянь ди хуэй* собираются напасть на Сингапур¹⁰. Там и сям орудовало множество грабителей, иные шли на дело и среди бела дня. Я стал расспрашивать своего приятеля-китайца, и тот подтвердил: «Они и вправду задумали такое, только пока не решились действовать. Разослали письма своим соплеменникам в Малакку и на Пенанг и спрашивают совета, каким образом им за это взяться. Поэтому пока дело застопорилось. Только никому об этом не рассказывай: я дал клятву молчать, и если наш старший признает — не сносить мне головы».

Я поклялся хранить тайну. Мне просто не терпелось все разузнать: с раннего детства я был наслышан о *Тянь ди хуэй*, но не знал, что это такое, и не мог разобраться: одни говорили одно, другие — другое. Мне же было важно знать наверняка. Я спросил: «Баба¹¹, а где все они обретаются?» Он ответил: «В глубинной части острова. Это место называется Туа Танглинг». Я спросил: «Сколько же их там всего?» Он ответил: «В самом Сингапуре и в глубинной части острова — примерно восемь тысяч человек. Немало их и в Малакке, Сунгей Уджунге, Лукуте, Лингги и на острове Пенанг. Все они — члены единого сообщества».

Тут я и обратился к нему: «Баба, не отведешь ли меня посмотреть, где они живут?» Он рассмеялся и сказал: «Зачем тебе идти в такую даль, Долах? Ты смерти разве не боишься?» Я ответил: «Мне бы только взглянуть! Чего бояться? Если ты умрешь, умру и я». Он сказал: «Ладно. Коли так, я собираюсь двинуться туда через три дня. Тут у нас объявилось пять человек, желающих вступить в Союз. Поглядим, что

⁵ Гамбир — растение (*Uncaria gambir*) семейства мареновых. Используется для изготовления бетелевой жвачки, а также как дубильное и красящее вещество.

⁶ В тексте: *orang besar yang kepala*, здесь — глава сообщества, вождь. Здесь и далее малайские обозначения статуса членов Союза, приводимые Абдуллахом, дают лишь самое общее представление о его иерархии.

⁷ В тексте: *orang besar* — вельможа, сановник. В данном контексте — ближайшие приближенные главы Общества.

⁸ В тексте: *penghulu* — староста, предводитель, начальник.

⁹ В тексте: *mata-mata* — букв.: сыщик, полицейский. Здесь имеется в виду группа людей, находящихся в непосредственном подчинении *penghulu* (см. выше) и выполняющих функции, перечисленные Абдуллахом ниже.

¹⁰ Имеется в виду южная часть острова, где поначалу обосновались европейцы.

¹¹ Традиционное обращение к китайцам Малакки и Сингапура, говорящим на разновидности «низкого» малайского языка — *баба*-малайском.

это за люди. Думаю переночевать там, а на следующий день пойдем обратно». Слушая его, я задумался: «Стоит ли верить словам того, кто курит опиум? Неровен час, моя вылазка обернется бедой!» Но, хоть подобная мысль и посетила меня, с уст моих слетели слова: «Хорошо, я готов идти». И мысль о том, что я увижу все собственными глазами, грела мне душу.

Было у меня немало добрых друзей-китайцев, промышлявших торговлей. Я сообщил им, что отправляюсь в глубинные области, чтобы посмотреть, как живут люди из *Тянь ди хуэй* и чем занимаются. Друзья заявили мне: «Сейчас все до смерти боятся этих *Тянь ди хуэй*. Куда же ты собрался, Долах? А вдруг тебя убьют? На кого нам тогда опереться?¹²». Сердце забилося у меня при этих словах, и я ответил: «А для чего им меня убивать? Какое при мне будет добро?» Они ответили: «Позови-ка сюда человека, который будет тебя сопровождать, а мы с ним потолкуем». Тут я отправился к тому китайцу и передал, что мои друзья хотят его видеть. Когда он явился, мои друзья спросили: «Что, энчик¹³ Долах пойдет вместе с тобой в Танглинг Бесар?» Тот ответил: «Да». Они сказали: «Береги его. Если что-то случится, мы знаем, кто ты такой». Он ответил: «Не бойтесь. Он умрет, если я умру».

Через пару дней, в субботу, в пять часов утра он явился за мной и сообщил: «Я захватил для тебя хлеб, сахарный песок и бананы». Предав себя на волю Аллаха, я пустился в дорогу, облачившись в изношенные, рваные брюки и взяв с собой старое одеяло, голову же обмотал истрепанным полотенцем. С собой я захватил одну рупию денег, маленький ножик, карандаш и лист бумаги. В путь мы тронулись вшестером: пятеро китайцев и я. Шли мы не торной дорогой, по которой ходят все, а двигались напрямик, переступая через поваленные стволы, обходя болота и топи. Я спросил своего приятеля: «Отчего здесь такая дорога? Неужели нельзя было ее разровнять, чтобы удобней было идти?» Он сказал с улыбкой: «По хорошей-то дороге все повадятся расхаживать, верно? И соглядатаи, и сипаи¹⁴, и белые люди смогут пройти. И лихих людей легче будет ловить, верно?» Услышав это, я подумал, что это воровская хитрость: стражам закона и впрямь будет боязно тут появляться¹⁵.

По пути нам не раз попадались китайцы, и шедшие навстречу нам, и попутчики. Как я заметил, все они знали моего китайского приятеля. Я спросил: «Баба, неужели ты знаком со всеми этими людьми?» Рассмеявшись, он ответил: «Разве ты не знаешь, что я — один из их соглядатаев». При этих словах сердце у меня забилося: подумалось, что он собрался обманным путем вовлечь меня в их сообщество. Но мысль эту я оставил при себе. Мне не терпелось проникнуть в их тайны, и, продолжая идти, я спросил: «А что, принимают ли в Союз людей другого рода-племени?» Он ответил: «Что ты! А вдруг они не будут держать рот на замке? К тому же малайцы и прочие мусульмане не почитают предков, не пьют арак, не употребляют крови. Немыслимо!» Выслушав его, я успокоился. Затем китаец сказал: «Ты, энчик Долах, должен сейчас прикинуться дурачком. Ничего не говори, помалкивай. Когда мы окажемся

¹² Возможно, эта фраза косвенно указывает на то, что Абдуллах, близкий к кругам британской администрации Сингапура, в каких-то ситуациях мог оказывать поддержку своим друзьям.

¹³ Энчик («господин») — обращение к мужчине из средних слоев общества.

¹⁴ Сипаи (от перс. سپاهی, *sipāhi*, «солдат») — наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами из среды местного населения.

¹⁵ Фактическое расстояние от прибрежных районов Сингапура до Танглинга в среднем не превышает 8 км.

ближе к месту, понесешь этот куль и зонтик, а я скажу, что ты — малаец-побирушка, просивший милостыню и приставший ко мне по дороге». Я ответил: «Согласен».

Покуда мы шли, миновал полдень, а до цели еще не добрались. Я почувствовал голод и сказал: «Баба, у меня уже живот подвело. Давай поедем хлеба». Он ответил: «Отсюда недалеко до китайской плантации, там и передохнем». Шли мы, шли и добрались до плантации гамбира, где было множество народа. Заслышав, что кто-то приближается, сбежался добрый десяток собак, готовых нас покусать. Тут китайцы завопили, призывая главного, и тот появился. Он пригласил нас сесть, а его люди обступили меня, принялись разглядывать и спросили по-китайски: «Кто это такой?» Мой китаец ответил: «Это странник, ходит и просит милостыню. Я взял его с собой». Тут нам принесли огурцов и жареные клубни¹⁶. Расположившись под сенью чемпедака¹⁷, я поел. А мой китаец отправился разделить трапезу с прочими китайцами.

Сидя за едой, я заметил, что у них в доме по стенам была развешана уйма оружия. Мне удалось насчитать десять больших щитов, примерно два десятка трезубцев и коротких мечей, шесть или семь длинных мечей и множество прислоненных к стенам ружей.

Еще я заметил, что на сундуке сложены шесть-семь пар брюк европейского покроя, только что из стирки. Тут сердце у меня забилося — я догадался, что они, судя по всему, были украдены у европейцев. Наблюдая за всем, я по-прежнему притворялся дурачком. Почувствовав жажду, я жестом указал себе на рот. Когда мне принесли воды, пить мне расхотелось: все их чашки были грязные донельзя, да к тому же сильно отдавали рисовой водкой. Китайцы столпились вокруг меня. Одни разглядывали мое полотенце, другие трогали за бороду, и я, исполненный страха, не препятствовал им, потому что мой друг еще не закончил свою трапезу.

Когда с едой у него было покончено, мы тронулись дальше. Примерно к четырем часам пополудни мы добрались до поселения. Там стояли три больших павильона, каждый примерно в тридцать саженей длиной, и в каждом людей — видимо-невидимо. Когда мы оказались там, мой спутник-китаец сказал: «Энчик Долах, сейчас помалкивай и притворяйся дурачком». Тотчас же выскочили собаки, десятка два. Я перепугался их множеству, но мой китаец кликнул человека, находившегося в павильоне, тот вышел и отозвал собак. У входа же в павильон был выкопан глубокий ров в три сажени шириной, а через него был переброшен мостик. Перейдя через ров, они убрали мостик, чтобы никто не мог перебраться на другую сторону. Завидев моего китайца, три человека вытащили мостик, перебросили его через ров, и мы смогли пройти. С другой стороны рва мы обнаружили две-три выкопанные ямы, особым образом отмеченные. Если человек не знал дороги, он непременно должен был провалиться в одну из ям. Глубиной ямы были в три сажени, сверху на них были положены легкие ветки и сухие банановые листья и присыпаны землей, чтобы сделать их вровень с окружающей почвой.

Подойдя к павильону, я заглянул внутрь и увидел сотни горящих светильников и расположившихся там и сям людей, поглощенных курением опиума. Вокруг павильона были сложены заточенные с одного конца деревянные дротики, а внутри

¹⁶ В тексте: ubi. В английском переводе (Hill 1970: 207) — картофель. Помимо этого, возможны варианты — ямс, бататы.

¹⁷ В тексте: cempedak — чемпедак, аутокарпус (*Autocarpus champeden*), фруктовое дерево, близкий родственник хлебного дерева нангка.

помещения было сложено оружие. Дротики служили для метания. Повсюду лежали щиты, мечи, вдоль стен стояли связки пик с заостренными, как у копий, наконечниками. Я тихонько спросил своего товарища: «Это то самое место?» Он сказал: «Да, одно из них. Есть еще шесть таких поселений, даже побольше размером, чуть дальше в глубь острова. Но нынче ночью все соберутся сюда: здесь обычно проводится обряд посвящения. Ты и сам все увидишь. Нашлось пять человек, которых собираются приобщить. В Сингапуре народ горазд сплетничать о *Тянь ди хуэй* и высмеивать их. Поэтому для посвящения приходится прибегать к принуждению». Я спросил: «А где мы расположимся этой ночью?» Он сказал: «Устроимся в комнатке моего здешнего приятеля».

На склоне дня начали бить в бамбуковый гонг, звуки его разносились далеко по окрестностям. Затем все собрались в главном павильоне. По моей прикидке, во всех трех павильонах обитало примерно пятьсот-шестьсот человек, из них тех, кто не употреблял опиум, едва набралось бы два десятка. Собравшиеся орала во все горло, словно во время битвы. Тогда мой китаец провел меня в боковую каморку с москитной сеткой, где проживал писец сообщества. Там я и расположился. Китаец принес мне на банановом листе немного риса с жареной рыбой и два банана. Я перекусил, чтобы не чувствовать голода ночью. Немного спустя он снова появился и сказал: «Оставайся тут, энчик. За тем, что там происходит, можешь наблюдать сквозь вот эту дырку в стене. И сиди тихо. Скоро те люди уже появятся». Я спросил: «Баба, а ты не останешься со мной?» Он ответил: «Не бойся, энчик Долах. Мне как соглядатаю непременно следует быть на месте, для этого я и прибыл сюда. Скоро вернусь. Никто не осмелится поднять на тебя руку». Я ответил: «Хорошо».

Примерно к семи часам вечера все уселись за трапезу, принялись пить рисовую водку, и шум стоял, словно во время боя. Спустя час загремели гонги и барабаны. Люди расселись рядами. Мне хорошо были видны их лица, раскрасневшиеся от хмеля, словно цветы гибискуса¹⁸. Взоры всех были обращены на идолов¹⁹. Главный из присутствовавших расположился на высоком кресле. Затем два человека встали справа от него, и два — слева. Следом появились восемь человек с большими обнаженными мечами и выстроились с правой и левой стороны. Явился еще один, возжегший листки бумаги перед идолами. Наконец вышли восемь человек с обнаженными мечами, они вели с собой еще одного.

Тот, которого привели, шел с непокрытой головой, без рубашки, на нем были только штаны. Оказавшись пред лицом главного, он преклонил колени, головой касаясь земли. Те, что стояли с мечами в руках справа и слева от него, испустили крик и нацелили свои клинки на его шею. На мгновение воцарилось молчание. Затем появился некто и встал подле этого человека. Тут главный принялся по-китайски задавать ему вопросы, об их значении я узнал позже. Главный спросил: «Кто ты таков и откуда прибыл? Кто твой отец с матерью, живы ли они или уже умерли?» Человек, стоявший рядом с преклонившим колени, пояснил ему, о чем спрашивают, и тот ответил: «Зовут меня так-то, родом я оттуда-то, а родителей моих уже нет в живых». Даже если бы его родители были живы, полагалось утверждать, будто они сконча-

¹⁸ В тексте: bunga raya — гибискус (*Hibiscus*), род растений семейства мальвовые (*Malvaceae*). Самый распространенный вид — гибискус болотный (*Hibiscus moscheutos*) с ярко-красными цветками.

¹⁹ Идол — в тексте: pekong, tokpekong (кит.). О том, как выглядел алтарь (жертвенник), автор не рассказывает. Описание его, относящееся к более позднему времени, см. (Pickering 1879: 6–9).

лись, потому что вступающие в сообщество считались мертвыми по сути своей. Главный сказал: «А можешь поклясться, что твои родители умерли?» Тот ответил: «Могу». И он поклялся: зажег лист бумаги перед идолами и объявил, что его отца с матерью уже нет в живых. Затем главный сказал: «Для чего ты явился сюда?» Тот ответил: «Хочу присоединиться к *Тянь ди хуэй*», что означало: «Небо, Земля, Союз». В этом сообществе все считались братьями, и разницы между живыми и мертвыми не было. Главный сказал: «Ты лгун. На самом деле ты так не думаешь». И тот ответил: «Могу поклясться, что говорю правду». Главный сказал: «Поклянись!», и тот возжег бумагу и произнес слова клятвы.

Затем главный произнес: «Знаешь ли ты, как становятся членами нашего Союза?» Тот ответил: «Знаю. Здесь, когда дают присягу, пьют кровь». «А что потом?» — спросил главный, и тот ответил: «Нельзя раскрывать никаких тайн тем, кто не входит в Союз. Если нарушу этот закон, пусть меня казнят». Главный сказал: «Так ли это? Так ли? Так ли?» И тот отозвался: «Так!» Затем принесли чашу, где была налита рисовая водка, перемешанная с кровью, взятой понемногу от каждого присутствующего, поставили ее перед идолами и рядом положили нож. Тот взял нож, поранил себе палец, и его кровь также закапала в чашу. Тут главный объявил: «Пред лицом наших кумиров — пей!» И тот испил из чаши, а следом и главный, и все прочие отхлебнули понемногу. Затем главный сказал: «Завтра отправишься к нашему писарю и возьмешь у него книгу, где говорится о наших обычаях, символах и знаках. За это заплатишь ему рингит²⁰». Тут главный поднялся со своего места, подошел к нему и помог встать. Ныне последний был вправе находиться рядом с главным, тогда как до вступления в Союз он считался врагом. Этой ночью обряд приема в Союз был совершен еще над четырьмя людьми. Пишу о том, что я видел собственными глазами. Вскоре мой китаец пришел справиться обо мне и сказал: «Можешь смотреть, сколько твоей душе угодно» — а затем снова удалился.

После тех четверых пред лицом главного предстал еще один человек со связанными руками, его принуждали совершить земной поклон, но он по-прежнему стоял прямо. Тогда ему нанесли десяток-другой ударов бамбуковой палкой и задали вопрос: «Хочешь ли ты вступить в наш Союз или нет?» Он же безмолвствовал. Вопрос повторили три или четыре раза, но он не проронил ни слова в ответ. Тогда главный бросил взор на тех, кто держал мечи, и они обнажили клинки, словно бы готовясь отрубить ему голову. Я решил было, что его прикончат, но главный остановил их и повторил вопрос, однако тот стоял на своем. Тогда по приказу главного его повалили на землю, вышли двое и принялись колотить его бамбуковыми палками. Он завопил от боли. Тут явился еще один и вопрошал его о согласии вступить в Союз, но тот отказался. Тогда главный объявил: «Завтра он буден казнен». Ночь этот человек провел под замком, а наутро был предан казни за свой отказ вступить в Союз.

Подобным же образом были убиты несколько десятков человек, силой захваченных в Сингапуре в ночное время. Вот каким образом пополнялись ряды сообщества. Новые же члены в случае нарушения ими присяги или разглашения тайны посторонним лицам безоговорочно обрекались на смерть. Куда ни пойдешь — везде, где действовало сообщество, их ожидала гибель. У каждого нового члена имелаась книга, где рассказывалось об обрядах, установлениях, условных знаках и жестах, правилах, ка-

²⁰ Рингит (Ringgit) — серебряная монета достоинством в 2,5 рупии.

сающихся еды и питья, а также одежды, и как в чужом краю по особым приметам найти своих братьев, и о многом другом, на чем я здесь не буду останавливаться.

Когда зрелище подошло к концу, было около двух часов ночи. Под звуки бамбуковых флейт²¹ все разошлись. Одни отправились курить опиум, другие — спать, иные двинулись в Сингапур заниматься грабежом. Явился мой китаец и, видя, что я еще не лег, сказал: «Все не спишь?» Я ответил: «Что-то сон не идет», но один лишь Аллах ведал, в каком страхе я пребывал. Он сел рядом и завел неторопливый, тихий разговор обо всем случившемся, сообщив также: «Нынче ночью двести человек отправятся в Сингапур добывать себе пропитание». Его слова напугали меня еще больше, до сердцебиения, и я помышлял лишь об одном: когда же наступит утро и я смогу убраться из этого проклятого места, где страх обурекает меня? За стеной дома, где я находился, множество людей были поглощены азартной игрой, и дважды или трижды за ночь между ними возникала потасовка. Я попросил: «Баба, давай уйдем отсюда пораньше перед рассветом». Он сказал: «Хорошо».

Я начал клевать носом и ненадолго задремал. Примерно в четыре утра послышались громкие голоса. Разбудив китайца, я спросил: «Что это за шум?» Он ответил: «Тише, энчик. Это вернулись те, что ходили в Сингапур». При этих словах я обмер и стал молиться, чтобы скорее настало утро. Вскоре рассвело, и я стал будить своего товарища, но тот не хотел и просил: «Подожди немного». Я ответил: «Сейчас самое время, пока солнце не взошло». Наконец он встал и заявил: «Не перекусить ли нам?» Я ответил: «Хорошо, как только дойдем до какой-нибудь плантации — там и поедим». А сам мечтал лишь об одном: поскорее унести ноги из этого проклятого места. Тут мой китаец пошел переговорить с их главным, но о чем — не знаю. По его возвращении я спросил: «Про что так долго толковали?» Он ответил: «Так, ничего особенного». Их беседа осталась тайной для меня, но обо всем прочем он мне сообщал, как уже говорилось выше.

И вот мы с товарищем пустились в дорогу. По пути он сказал: «А ты знаешь, энчик Долах, те люди, что прошлой ночью ходили в Сингапур, замазывали себе лица углем». Я спросил: «Для чего?» Он ответил: «Чтобы их не узнали». Я спросил: «А к кому в дом они забирались и чем поживились?» Он ответил: «Ты, энчик, рвался поскорее уйти, и потому я не успел их расспросить. К тому же все еще спали». И подумалось мне: «О, Аллах, когда же мы доберемся до Сингапура?» А уж как я укорял себя за то, что ввязался в эту историю! Но, как бы то ни было, что сделано — то сделано.

Наконец мы добрались до плантации, принадлежавшей какому-то китайцу. Было около одиннадцати часов. Там мы немного отдохнули и снова двинулись в путь. Не буду описывать, как мы шли, и вспоминать об этом не могу: за всю свою жизнь не видывал дороги хуже: иногда проваливался в грязь, доходившую мне до бедра, шесть-семь раз падал, да и мой спутник тоже. Остается лишь дивиться, как грабители пробирались здесь через ухабы в кромешной темноте. Одному Аллаху это ведомо! И думалось мне: если бы во мгновение ока меня сейчас перенесли в Сингапур, я не пожалел бы за это и десяти ринггитов! Было уже три часа, когда с помощью Аллаха мы, голодные и усталые, благополучно добрались до Сингапура.

По прибытии в Сингапур мне стало известно, что ночью китайцы совершили нападение на Кампунг Гелам. Было их около двух сотен, и у всех лица были замазаны

²¹ В тексте: *ditiupnya bamboo itu*, т.е. «стали дуть в бамбук». Речь может идти об одной из разновидностей духовых инструментов, материалом для которых служил бамбук (флейт, свирелей и т.п.).

черным. Они были вооружены и несли над собой десятки факелов, как во время торжественного шествия. Ими был ограблен дом священника-христианина²². Тот жил одиноко, не знался там ни с кем, кроме своего повара. Они забрались на верхний этаж, часть осталась стеречь ворота на улицу, еще одни стояли позади дома, а прочие занялись грабежом. Священник был застигнут спящим. Одни ухватили его за руки и за ноги, а двое других приставили мечи к горлу со словами: «Где ключи от сундуков?» Священник показал, где ключи, и они стали отпирать сундуки и забирать оттуда деньги. Одежду разбросали, лампы разбили. Когда дело было сделано, те, что оставались при входе, подали знак с помощью бамбуковой флейты, и все сошли вниз, кроме тех, кто удерживал священника. Лишь тогда, когда прочие оказались далеко, державшие отпустили его и сами убежали. Вот как все произошло, по рассказам людей.

Будучи в Сингапуре и узнав о случившемся, я не мог удержаться и отправился к господину Кроуфурду, чтобы поведать обо всем, что я видел и пережил и о чем было рассказано выше. Он был изумлен услышанным и сказал: «Как же ты осмелился подвергнуть себя такой опасности? Хорошо еще, что жив остался! Кто знает, что бы могло произойти?» Я ответил: «Не поступи я так, откуда бы люди узнали правду? Ведь о *Тянь ди хуэй* чего только не рассказывают! А я все видел собственными глазами, тут уж ошибки не будет». Он сказал: «Правильно, европейцы так же подходят к делу. — И продолжил: — Прошлой ночью китайцы ограбили дом священника в Кампунг Гелам». Я ответил: «Знаю. Но почему же ты, господин, оставляешь это без внимания? Неровен час, и до твоего дома доберутся!» Он ответил: «Ты прав. Но, думается мне, захватить их будет трудно при такой-то дороге: подождем, пока проложат новую. Сейчас же я распоряжусь, чтобы констебли и сыщики вели за ними слежку». Я сказал: «Хорошо, господин. А если оставить всё, как было, они будут вести себя так же». Затем я откланялся, и он отправился в полицию, а я вернулся домой.

К вечеру мне сообщили, что после моего ухода господин Кроуфурд отрядил двенадцать сыщиков, вооруженных саблями, пистолетами и кинжалами, а также двух констеблей искать какие-либо улики или похищенные у священника вещи. В полном снаряжении они двинулись в глубину острова. Придя к китайской плантации, что была на полпути и где мы останавливались, чтобы перекусить, они обнаружили там какого-то китайца, едва пробудившегося ото сна. Выйдя из дома, он намеревался было умыть свое лицо, замаранное углем, но немедля же был схвачен и доставлен ими в Сингапур. Его привели в полицию и допросили. Он же изобразил из себя немного, лишенного дара речи. Сколько его ни допрашивали, сколько ни пытали, принуждая говорить, — безуспешно. Наконец он был отправлен в тюрьму в Телук Аир, потому что день уже клонился к вечеру.

Примерно в два часа пополудни прибыли две или три сотни его сообщников, обитавших в глубинной части острова, они прорвались в тюрьму. Все были вооружены. Одни заняли лестницу у входа, другие остались на улице. Сыщики, сторожившие тюрьму, разбежались, спасая свою жизнь. Констебли, находившиеся на верхнем этаже здания, выпрыгнули из окна и скрылись. Китайцы разгромили тюрьму и увели с собой своего товарища назад в глубину острова. К тому моменту, как сыщики и констебли добрались до полиции и собрали подмогу, всех их и след простыл.

Проведав о случившемся, местные жители совсем перепугались. По ночам сторожили свои дома, не осмеливаясь и носа высунуть на улицу. Тут как раз был обнару-

дован приказ: полицейским по ночам полагалось нести стражу по всем улицам. Спустя два-три дня китайцы из *Тянь ди хуэй* объявились в квартале прачечных²³, недалеко от Кампунг Гелам. Было их двести или триста человек, в полном вооружении и с факелами. Полицейские, что несли там стражу в ту ночь, завидев приближающихся, обратились в бегство. Тридцать-сорок вооруженных китайцев несли охрану в начале улицы, а прочие вламывались в прачечные, ломали сундуки, похищали выстиранные вещи. Хозяина одного из домов привязали к столбу и стали требовать от него ключи. Затем вскрыли все сундуки и забрали сложенную там одежду.

Жители двух соседних домов слышали весь этот шум, но боялись и нос высунуть наружу. Открывшему дверь отрубили два пальца. Люди поспешно запирались на ключ и со страху не издавали ни звука, а те творили все, что им заблагорассудится, идя от одного дома к другому. Прошли уже три дома, и тут их сотоварищи, несшие стражу на улице, подали сигнал бамбуковой флейтой, и тотчас же все разбежались, за исключением тех, кто сторожил у входов в дома: из трех оставался один, из четырех — два. Когда все ушедшие уже были далеко, бамбуковый свист раздался еще раз. После этого у каждых ворот осталось по одному человеку. После следующего свистка и эти убежали следом за своими товарищами.

Когда жители домов убедились, что на улицах воцарилась тишина, они с опаской и осторожностью стали приотворять двери, просовывать в них палки и шарить ими вокруг, проверяя, не стоит ли там кто-нибудь. Убедившись, что никого нет, они один за другим с громкими рыданиями стали выбираться из домов. Затем, вооружившись и зажегши факелы, они двинулись по домам соседей, павших жертвами грабежа. Оказалось, что те были привязаны к столбам, вещи были разбросаны, сундуки открыты и сдвинуты с мест в полном беспорядке. Связанных освободили от пут. Поднялся шум. Тут явились и полицейские. Они сделали вид, будто предприняли поиски и погоню, но о том, какой ужас их обуял, ведает лишь Аллах. Судя по всему, они мечтали бы вновь укрыться в материнском чреве.

Такие истории случались постоянно, иногда и днем и ночью, а иногда только в дневное время. Спустя неделю внезапно куда-то исчезла пушка, бывшая в собственности Компании, из которой обычно давали залп в восемь часов вечера и в пять часов утра. Она стояла на берегу, недалеко от того места, где сейчас находится английская церковь. Сторожили пушку вооруженные сипаи, сменявшие друг друга. Ко всеобщему удивлению, и пушка, и сипай со своим ружьем исчезли неведомо куда — не знаем того и поныне. Люди решили, что это тоже дело рук китайцев из Союза *Тянь ди хуэй*.

Спустя полмесяца большая джонка из Сиамы собралась причалить в Сингапуре, однако из-за сильного встречного ветра им пришлось бросить якорь близ Танджунг Катунг. Однажды ночью приплыли туда на лодках сотни китайцев из Союза *Тянь ди хуэй*, поднялись на джонку и устроили там побоище. Многих перебили, а оставшиеся прыгали в море. Все ценное китайцы перегрузили в свои лодки, наполнив их доверху, и воротились туда, откуда прибыли — на дальний берег острова. По прошествии двух дней оказалось, что половина из числа спрыгнувших в море утонула. Выжить и добраться до берега удалось четверым. Они явились в полицию и рассказали обо всем, что с ними приключилось. Судья городского магистрата приказал произвести осмотр джонки. Прибывшие полицейские обнаружили там истлевающие трупы шес-

²³ В тексте: *Kampung Dobi*.

ти-семи человек, хранящие следы колотых и рубленых ран. Все судно было залито кровью, вещи разбросаны, сундуки взломаны, а их содержимое разграблено. Полиция распорядилась, чтобы судно было отбуксировано в порт и чтобы к нему приставили стражу. Затем были предприняты розыски виновных, поиски улик или чьих-либо показаний. Однако, сколько ни искали, ничего не нашли. Судно оставили на приколе на месяц, пока шло расследование. Затем его вернули в распоряжение тех, кто остался в живых.

Что еще рассказать о китайцах из *Тянь ди хуэй*? В Сингапуре они наслаждались своей безнаказанностью, куражились, не ведая ни стыда, ни совести. Сколько жизней рабов Аллаха они забрали, сколько добра награбили, творя злодеяния! Сотни зданий и жилищ разорили — все и не перечислишь. Вот только местное начальство палец о палец не ударило! Они по-прежнему разъезжали в своих экипажах, столы их ломались от яств, дома сияли множеством огней, а месячное жалованье исчислялось тысячами ринггитов. О бесчинствах китайцев на английской территории они предпочитали помалкивать, а Компания продолжала выплачивать им содержание. Мне прекрасно известно, что в большинстве малайских государств, в Китае, в арабских странах и других краях найдется немало грабителей, воров, убийц. Но в принадлежавшем британцам Сингапуре китайцы творили настоящий произвол, устраивая грабежи везде, где только им заблагорассудится.

В пять часов утра залп пушки разбудил меня. И подумалось мне: безнаказанно орудовать китайцы будут до тех пор, пока европейцы не построят дорогу, по которой перебросят сипаев и вооружение прямо к их логову. Полагаю, именно поэтому Компания медлила²⁴. В противном случае с китайцами давно было бы покончено. Господин Кроуфурд уже предпринял строительство дороги, ведущей в глубинные районы острова, однако в то время в Сингапур еще не начали завозить каторжников, бывших в подчинении у Компании. Поэтому возможности ускорить работу у Компании не было.

Литература

- Горяева 2016 — *Абдуллах бин Абдулкадир*. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854) / Предисловие, перевод с малайского и комментарии Л.В. Горяевой // Письменные памятники Востока. 2016. Т. 13. № 4 (вып. 27). С. 5–23.
- Горяева 2018 — *Горяева Л.В.* «О Малаккской крепости» (отрывок из мемуаров Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши) / Предисловие, перевод с малайского, примечания // Письменные памятники Востока. 2018. Т. 15. № 3 (вып. 34). С. 5–15.
- Лависс, Рамбо 1938 — *Лависс Э., Рамбо А.* История XIX в. в 8 томах. Том 4. Время реакции и конституционные монархии. 1815–1847. Часть вторая. М., 1938.
- Comber 1956 — *Comber L.* Chinese Secret Societies in Malaya: An Introduction // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. (May, 1956.) Vol. 29. No. 1 (173) P. 146–162.
- DeBernardi 2004 — *DeBernardi Jean.* Rites of Belonging: Memory, Modernity, and Identity in a Malaysian Chinese Community. Stanford: Stanford University Press, 2004.
- Hill 1970 — *Hill A.H.* (tr.). The Hikayat Abdullah, an Annotated Translation // Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society. (1955.) Vol. 28. Part 3, reprinted Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1970.

²⁴ Автор поясняет свое мнение в следующих фразах до конца абзаца.

- Indo-Chinese Gleaner 1819 — The Indo-Chinese Gleaner. Malacca: Mission Press, 1819. No. VIII.
- Kassim Ahmad 2008 — *Kassim Ahmad* (ed.). Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008.
- Newbold-Wilson 1841 — *Major-General Wilson and Lieutenant Newbold*. The Chinese Secret Triad Society of the Tien-ti-huih // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. (1841.) Vol. 6. No. 1. P. 120–158.
- Pickering 1878 — *Pickering W.A.* Chinese Secret Societies and Their Origin // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*. July 1878. Vol. 1. Part 1. P. 63–84.
- Pickering 1879 — *Pickering W.A.* Chinese Secret Societies and Their Origin // *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*. July 1879. Vol. 3. Part 2. P. 11–18.
- Schlegel 1866 — *Schlegel G.* Thian Ti-hwui, the Hung League, or Heaven-Earth Ligue, or a Secret Society with the Chinese in China and India. Batavia: Lange & Co, 1866.
- Sweeney 2008 — *Sweeney A.* (ed.). Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Jilid 3. Hikayat Abdullah. Jakarta, 2008.
- Triad Societies 2000 — *Bolton K., Hutton Ch.* (eds). *Triad Societies: Selected Writings*. London; New York: Routledge, 2000.
- Ward, Sterling 1925 — *Ward J.M.S., Sterling W.G.* The Hung Society or the Society of Heaven on Earth. London: The Baskerville Press Ltd, 1925.

References

- Abdullah bin Abdulqadir. “Story about Abdullah’s Voyage from Singapore to Mecca” (1854). Introduction, Translation from the Malay Language and Commentaries by Liubov V. Gorjaeva. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2016, vol. 13, no. 4 (issue 27), pp. 5–23 (in Russian).
- Bolton, K., Hutton, Ch. (eds.). *Triad Societies: Selected Writings*. London–New York: Routledge, 2000 (in English).
- Comber, Leon. “Chinese Secret Societies in Malaya: An Introduction”. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. 29, no. 1 (173) (May, 1956), pp. 146–162 (in English).
- DeBernardi, Jean. *Rites of Belonging: Memory, Modernity, and Identity in a Malaysian Chinese Community*. Stanford: Stanford University Press, 2004 (in English).
- Hill A.H. (tr.). “The Hikayat Abdullah, an Annotated Translation”. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. 28, part 3 (1955), reprinted Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1970 (in English).
- Kassim Ahmad (ed.). *Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Kuala Lumpur: Yayasan Karyawan, 2008 (in English).
- Lavisse E, Rambaud A. *Istoriya XIX v. v 8 tomakh. T. 4. Vremia reaktcii i konstitutsionnye monarchii. 1815–1847. Chast’ vtoraja* [History of the 19th Century. Vol. 4: Constitutional Monarchies 1815–1847, part 2]. Moscow, 1938 (in Russian).
- Major-General, Wilson and Lieutenant, Newbold. “The Chinese Secret Triad Society of the Tien-ti-huih”. *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, vol. 6, no. 1 (1841), pp. 120–158 (in English).
- “On the Malacca fort”. An Excerpt from the Memoir of Abdullah bin Abdulqadir Munshi. Introduction, Translation from the Malay Language and Commentary by Liubov V. Gorjaeva”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2018, vol. 15, no. 3, (issue 34), pp. 5–15 (in Russian).
- Pickering W.A. “Chinese Secret Societies and Their Origin”. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. 3, July 1879, part 2, pp. 11–18 (in English).
- Pickering W.A. “Chinese Secret Societies and Their Origin”. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society*, vol. 1, July 1878, part 1, pp. 63–84 (in English).
- Schlegel, Gustav. *Thian Ti-hwui, the Hung League, or Heaven-Earth Ligue, or a Secret Society with the Chinese in China and India*. Batavia: Lange & Co, 1866 (in English).

Sweeney A. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Jilid 3. Hikayat Abdullah. Jakarta, 2008 (in English).

The Indo-Chinese Gleaner. No. VIII. Malacca: Mission Press, 1819 (in English).

Ward J.M.S., Sterling W.G. *The Hung Society or the Society of Heaven on Earth*. London: The Baskerville Press Ltd, 1925 (in English).

“The *Tian di Hui* Society in Singapore” (According to the Memoirs of Abdullah bin Abdulkadir Munsyi)

Introduction, Translation from the Malay Language and Commentaries by
Liubov V. Gorjaeva

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 2 (issue 37), pp. 5–18)

Received 16.02.2019.

Liubov V. Gorjaeva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (IV RAN); ul. Rozhdestvenka 12, Moscow, 107031 Russian Federation.

The article comprises a research preface and a translation from Malay of chapter 21 (“The *Tian di Hui* society in Singapore”) from the book *The Story of Abdullah*, written by the famous Malay author Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796/7–1854). This chapter tells about a Chinese secret society that operated in Singapore in the first quarter of the 19th century and about how the author managed to secretly penetrate the holy of holies of this society and observe its rituals. The preface gives a brief account of the history of *Tian di Hui* and suggests the motives that prompted Abdullah to make his dangerous journey.

Key words: Singapore, Crawford, *Tian di hui*, secret unions, initiatory ritual, Chinese diaspora, crime.

About the author:

Liubov V. Gorjaeva, Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher, IOS RAS (gorjaeva@mail.ru).